

# Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы



English version: [Andreeva G.M. Social psychology: vectors of new paradigm](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)  
[Ссылка для цитирования](#)

В качестве векторов новой парадигмы в социальной психологии в статье рассматриваются: усиление роли социального контекста в исследованиях, акцент на анализе социальных изменений, специфические аспекты психологии социального познания (специфика процесса социальной категоризации), проблема идентичности личности в условиях глобализации.

**Ключевые слова:** социальный контекст, социальные изменения, роль языка в новых условиях социальной реальности, идентичность личности, глобализация

Дискуссия о новой парадигме в социальной психологии насчитывает не одно десятилетие. Практически начиная с 60-х годов прошлого века, то есть одновременно с первыми констатациями кризиса дисциплины, появились идеи поиска новой парадигмы как перспективного способа преодоления этого кризиса. Первоначально предложения не носили слишком радикального характера. Без апелляции к термину «парадигма» в работе С.Аша [Asch, 1959] набор критических высказываний в адрес существующих исследований по существу складывался в программу построения принципиально иного подхода в социальной психологии. Более радикально вопрос был поставлен в работах В.МакГвайра, где речь шла уже о недостатках «старой» и «новой» *парадигм* в пределах традиционных подходов (а именно об ограниченностях «творческого» и «критического» их компонентов, то есть типа гипотез и вида эксперимента) [McGuire, 1972; Андреева, Богомолова, Петровская, 2002]. Что касается требования «еще более новой парадигмы», то контуры ее были набросаны довольно бегло (замена *теоретически релевантных* гипотез *социально релевантными*, а лабораторного эксперимента экспериментом в полевых условиях) [McGuire, 1972; Андреева, Богомолова, Петровская, 2002]. Судить о содержательных характеристиках новой парадигмы было еще преждевременно, хотя очевидным стал принципиальный вектор ее построения – *инновации*, результатом которых должно стать изменение самого облика науки.

Следует сразу отметить, что предложенный набросок новых поисков был обусловлен знаковыми изменениями в социальной реальности, связанными, в частности, с движением «новых левых» их программой внутринаучной методологической рефлексии. Следствием этого явились положения МакГвайра о том, что даже в сугубо экспериментальных исследованиях социальной психологии нельзя ограничиваться вопросом о том, «как делать исследование», но следует решать вопрос, «каким целям оно служит» [McGuire, 1972, p. 238], то есть в немдолжны звучать моральные проблемы, в том числе проблема ответственности социального психолога за использование результатов его исследования. В каком-то смысле это были первые наброски нового статуса социальной психологии в обществе, что стало впоследствии одним из «измерений» новой парадигмы.

Значимый этап в ее поисках – ситуация, сложившаяся после второй мировой войны, в частности, в связи с оживлением социально-психологической мысли в Европе. Этот вопрос широко освещен в литературе [Андреева, Богомолова, Петровская, 2002; Грауманн, 2004; Шихирев, 2002], поэтому здесь важно лишь отметить такую веху, как создание в 1966г. Европейской Ассоциации Экспериментальной Социальной Психологии (ЕАЭСП)[1].

Призывы к более радикальному характеру преобразований теоретико-методологических основ

социально-психологического знания начали звучать именно в трудах европейских социальных психологов [The Context of Social ... , 1972][2]. Пожалуй, наиболее принципиальный довод был предложен С.Московичи, призвавшим осуществить «социологизацию» социально-психологического знания, имея в виду не просто усиление роли «социального контекста» в исследованиях, но и необходимость анализа изучаемых феноменов в более широком масштабе – масштабе общества в целом: «Социальную психологию нужно обновлять, чтобы она стала действительно наукой о таких социальных феноменах, которые есть *основа* функционирования общества, о *сущностных* процессах деятельности в нем» [The Context of Social ... , 1972, p. 57].

Другая знаковая идея европейского манифеста 1972 г. – призыв А.Тэшфела считать главной проблемой социальной психологии проблему *социальных изменений*, точнее: отношение между Человеком и Социальным изменением: «Изменяя себя, индивид изменяет социальную среду; изменяя ее, он изменяется сам» [The Context of Social ... , 1972, p. 243]. Универсальный характер понимания изменения Тэшфел связывает с проблемой выбора человеком линии поведения: предсказать поведение в условиях стабильности можно, но в условиях изменения сделать это невозможно.

Следовательно, программа социальной психологии обозначается достаточно определенно: она должна заниматься взаимодействием социальных изменений и выбора, то есть исследовать, какие аспекты социальных изменений раскрываются в восприятии индивида как альтернатива его поведения, какова связь между когнитивными и мотивационными процессами, чем в конечном счете детерминированы выборы тех или иных паттернов поведения.

В этих принципиальных заявлениях основоположников европейского подхода по существу намечены основные векторы как построения новой парадигмы в социальной психологии, так и ее последующего развития: *социальный контекст* и *социальное изменение*. По мнению К.Грауманна, противоречия между американской и европейской традициями можно в конечном счете свести к двум пунктам: «пониманию роли социокультурного контекста» и интересу к проблеме «социального конструирования социальной реальности» [Грауманн, 2004, с. 20]. Возможны и другие варианты обозначения основных векторов новой парадигмы. Однако естественно, что дискуссия вокруг этих и иных предложений породила новый виток более конкретных разработок относительно того, чем же должна стать социальная психология XXI-го столетия.

В наиболее полном объеме совокупность этих предложений оказалась изложенной тем не менее в американской концепции *социального конструкционизма* К.Гергена, представляющего собой социально-психологический вариант постмодернизма, получившего развитие в системе гуманитарного знания в конце XX-го – начале XXI-го века [Андреева, 2002; 2005; Якимова, 1999; Шихирев, 1999; Емельянова, 2006]. Важно обозначить несколько общих линий, по которым разрабатывались в рамках данной концепции и «рядом с ней» более конкретные характеристики отдельных элементов новой парадигмы, которые и могут претендовать на определение ее «векторов». Их спектр достаточно велик, соотносительная значимость различна, да и само определение «вектор» весьма условно, хотя может быть использовано для характеристики новой парадигмы.

## Конструирование социального мира

Постмодернизм, выступивший «общим знаменателем» поисков новой парадигмы в науке продемонстрировал все основные направления движения социальных наук от позитивистских методологических оснований в сторону гуманитарного знания, основанного на неклассическом представлении о науке. Один из основных тезисов состоит в том, что существовавшая в прошлом *реалистическая эпистемология* делала чрезмерный акцент на необходимости теории соответствовать реальному миру, в то время как задача заключается в том, чтобы теории начали «генерировать новые формы поведения» [Герген, 1995]. Обозначенное движение характерно для всего обществоведения эпохи постмодернизма, и задача состоит лишь в том, чтобы выявить специфику его проявления в каждой конкретной области[3]. Именно в социальной психологии («вирус постмодернизма проник и в социальную психологию» [Якимова, 1995] и сложилась такая конкретная его форма как *социальный конструкционизм*. Создание концепции относится к 70-ым годам прошлого столетия и выразилось, по мнению П.Н.Шихирева, «в падении авторитета жестко сциентистской парадигмы психологической социальной психологии и в оживлении социологической ветви американской социальной психологии

– символического интеракционизма» [Шихирев, 1999, с. 189].

Новая эпистемология (ее Герген часто называет «*социальной эпистемологией*») базируется на иных принципах и соответственно выдвигает новые задачи. Первая – выход за пределы типичного для психологии дуализма S-O (субъект–объект) и базирование на альтернативной эмпирической науке. Но преодоление этого дуализма означает большее «допущение» интерпретативного начала в познание, и поэтому для социальной психологии неизбежно сближение с теми дисциплинами, которые ориентируются на *интерпретацию* как на основу познания. Отсюда – известное положение Гергена о том, что социальная психология есть по существу *история*, [Андреева, 2002; Шихирев, 1999; Якимова, 1995], что заставляет, в частности, дифференцировать социальные феномены по их «исторической стабильности» [Герген, 1995, с. 49]. Это – новый поворот идеи включения социального контекста в исследования.

Вторая задача – объединение *экзогенной* и *эндогенной* концепций знания. Для Гергена первая восходит к философии Локка, Юма, Миллса, полагающих, что источником знания является реальный мир, а вторая опирается на идеи Спинозы, Канта, Ницше, принимающих обусловленность знания внутренними процессами субъекта. Что касается социальной психологии, то для Гергена первая концепция отождествляется с бихевиоризмом, а вторая – с когнитивизмом. Социальная психология ни в бихевиористской, ни в когнитивистской парадигме не ухватывает значения социальной ситуации, в которой осуществляется процесс познания человеком окружающего мира, и поэтому утрачивает момент *конструирования* этого мира. В частности, несмотря на ряд находок когнитивизма, в нем также остается не преодоленным понимание знания как ментального представления в пределах индивидуального человеческого разума. Поэтому и в данном случае необходимо соединение предложенных принципов с идеей трактовки знания как *продукта совместной деятельности людей* [Gergen, 1994]. В этом пункте когнитивизм приобретает черты *социального когнитивизма* сближается с идеями конструкционизма, хотя дискуссия о соотношении этих двух течений до сих пор остается острой [Якимова 1999; Емельянова, 2001].

Магистральная идея социального конструкционизма – педалирование необходимости большего включения социального контекста в социально-психологические исследования – развернута Гергеном в формулировании широко известных пяти гипотез. Их краткое содержание сводится к следующему:

- 1) исходным пунктом всякого знания является сомнение в том, что окружающий мир – нечто, само собой разумеющееся и поэтому его объяснение может быть лишь *конвенцией*;
- 2) его осмысление становится результатом совместной деятельности людей, их отношениями, и слова, употребляемые для обозначения социальных процессов, имеют смысл лишь в контексте этих отношений;
- 3) распространенность различных форм понимания мира зависит от характера социальных процессов, и правило «что чем считать» обусловлено характером социальных изменений;
- 4) это означает, что описания и объяснения мира конституируют формы социального действия и тем самым включаются в социальную деятельность [Gergen, 1994].

Именно эти положения и дают основание считать социальную психологию *историей*: у нее нет оснований претендовать на описание *универсальных* закономерностей, поскольку все они привязаны к текущим историческим обстоятельствам. Новая парадигма предписывает социальному психологу заниматься объяснениями и систематизацией современных социальных явлений.

Как видно, предложен такой вариант построения социальной психологии, который ориентирован на совершенно новые постулаты и потому действительно четко демонстрирует один из векторов новой парадигмы. Характерно, что обоснование необходимости преобразования социальной психологии опирается на существенное изменение всего строя общественных наук в условиях современного мира. Аргументом в данном случае выступает ограниченность традиционной социальной психологии ее узким контекстом *западной*, преимущественно *американской*, индивидуалистической, культуры. В связи с выдвиганием на авансцену мирового развития в конце XX столетия и других культур, эта идея получила глубокую разработку не только в социальной психологии [Стефаненко, 2002], но и в этнопсихологии [Триандис, 2007]. С особой остротой проблема обсуждается в связи с процессами глобализации, поскольку становится очевидным, что конструирование социального мира требует расширения спектра субъектов познавательного процесса. Так или иначе, эта мысль оказывается тесно связанной с идеей социальных изменений.

## Социальные изменения

Сама по себе интеграция категории «социальные изменения» в обществознание ранее всего была осуществлена в социологии. На рубеже столетий П.Штомпка назвал проблему социальных изменений одной из центральных проблем социологии XX века и предложил рассматривать ее как показатель новой парадигмы, пришедшей на смену парадигмы «соответствия». Важность категории «социальные изменения» обусловлена, по мысли автора, тем, что социальная реальность вообще «не статическое состояние, а динамический процесс, она *происходит*, а не *существует*, она состоит из событий, а не из объектов» [Штомпка, 1996, с. 266].

Апелляция к идее социальных изменений в социальной психологии состоялась значительно позднее; в ней в течение длительного времени складывалась традиция анализа достаточно стабильной ситуации, где господствовала определенная незыблемость законов социального поведения. Первый шаг в новом направлении был и в данном случае сделан европейскими исследователями. В цитированной работе А.Тэшфела новый подход прозвучал особенно отчетливо, будучи высказанным в эпоху «студенческой революции», когда критическая позиция в адрес социальной психологии была подкреплена как раз неспособностью последней не только спрогнозировать, но и удовлетворительно объяснить произошедшие события [The Context of Social ... , 1972]. Именно радикализм социальных трансформаций в мире на рубеже столетий заставил обратиться к проблеме социальных изменений и в социальной психологии в полном объеме.

В отличие от социологического подхода фокус интереса здесь сосредоточен на проблеме *восприятия* рядовым членом общества происходящих в социуме изменений и разработки стратегии поведения в соответствии с этим восприятием: логика процесса состоит в том, что нет другого адекватного выбора поведения, кроме как умения столь же адекватно оценить сущность происходящих в обществе изменений. Естественно, что и в данном случае проблема выступает в связке с идеей конструирования социального мира, с построением его адекватного образа. В ситуации быстрых изменений модифицируется процесс социальной категоризации, и индивид вынужден осуществлять «быструю категоризацию» [Tajfel, Fraser, 1978], опирающуюся на *эвристики*, включающую значительную долю эмоционально-мотивационных компонентов [Фидлер, Блесс, 2004]. Таким образом, именно «связка» процесса конструирования социального мира и социальных изменений выступает как предмет особого анализа в социальной психологии[4].

Можно отметить, как минимум, два аспекта такого анализа. С одной стороны – это обсуждение принципиально новых задач *во взаимоотношениях* социальной психологии и общества, с другой стороны более конкретные проблемы новых *областей* науки и новых *способов* их исследования.

В общем плане новый характер отношений социальной психологии и общества описан в проанализированных нами подходах: больший учет *социального контекста* [Московичи, 1972], замена функций *прогнозирования* поведения функцией «катализатора социальной восприимчивости и чувствительности» [Gergen, 1994][5]. И то, и другое обусловлено новым характером социальной реальности, ее усложнением, необходимостью осмысления рядовым членом общества все более и более широкого круга проблем. Это требует большей информированности человека относительно важных для него жизненных обстоятельств с тем, чтобы расширить диапазон его альтернативных действий, предложить новые модели поведения. Это и будет соответствовать новой роли социальной психологии в *изменяющемся* мире, в частности, предполагает разработку целого комплекса новых проблем *социальной адаптации*, взаимодействия человека и среды, более точно: взаимодействия *измененного* человека и *измененной* среды.

Другая сторона вопроса – изменение (обогащение) исследовательского арсенала социальной психологии как ее важнейшая профессиональная задача. Этот вопрос упирается в старую проблему – соотношения фундаментального и прикладного уровней в социально-психологическом знании. Несмотря на «древность» этой проблемы, дискуссия по поводу этого соотношения идет практически на протяжении столетия, то есть всего периода «самостоятельного» существования дисциплины. Сегодня на острие дискуссии – вопрос о соотношении *прикладной* и *практической* социальной психологии. Оценка особенностей прикладных исследований хорошо известна [Андреева, 2008; Шихирев, 1999]. Что же касается *социального вмешательства* (social intervention), как особого вида

деятельности социального психолога [6], то вопрос, несмотря на наличие солидной традиции обсуждения, практически начиная с идеи К.Левина об action research, обретает в новой парадигме новые грани.

Прежде всего – это вопрос о том, изменяется ли в принципе характер взаимоотношений социальной психологии и общества в период радикальных социальных изменений? По-видимому, в общем виде на него следует дать положительный ответ. Усложнение социального мира, процессы глобализации требуют от человека большего круга проблем, сравнения их решения в разных типах обществ, вследствие чего и необходимо расширение диапазона «альтернативных действий, приводя к модификации или постепенному исчезновению прежних поведенческих моделей» [Gergen, 1994, p. 34]. Что же касается более конкретных сторон практической психологии, то в данном случае речь идет о совершенствовании инструментария, обеспечивающего «вмешательство», его адаптацию к условиям именно изменяющегося мира. с новой социальной реальностью [Андреева, 2005]. Это включает в себя и преимущественное внимание к *качественным* методам исследования [Мельникова, 2007], и рефлексии относительно такого традиционного метода как анкетирование, поскольку содержание употребляемых категорий в значительной степени зависит от содержания новых социальных реалий. Логичным с этой точки зрения является апелляция к проблемам социального познания.

## Новые акценты в социальном познании

Два обозначенных вектора вызвали к жизни актуализацию особого направления в социальной психологии – *социального познания* (social cognition), и акцент на развитие этой области можно также считать одним из векторов новой парадигмы. Несмотря на древность и междисциплинарный характер проблемы (исследования социального познания характерны и для философии, и для социологии, особенно в рамках *социологии знания*), в социальной психологии обозначены специфические грани подхода [7]. Фокус интереса здесь – познание социального мира рядовым членом общества, непрофессионалом, познание *им* социальной реальности, как реальности *своей, собственной жизни* [8].

Апелляция к такому варианту подхода вновь связана с изменениями социума на рубеже столетий: бурный темп социальных процессов, возникновение новых форм социальных институтов, развитие средств массовой информации с особой настойчивостью требуют от рядового члена общества достаточной степени понимания того, что происходит вокруг него. Ориентироваться в новом, сложном мире можно только умея более или менее адекватно интерпретировать наблюдаемые факты, ибо без этого легко утратить смысл как происходящего, так и своего места в нем. Иными словами – стоит задача раскрыть механизмы, посредством которых человек осознает себя частью той реальности, в которой он живет и действует, а также всю совокупность тех факторов, которые обуславливают эти процессы. Но это и будет изучение того, как человек строит образ социального мира, то есть *конструирует* его, притом в условиях социальных изменений. Поэтому «расцвет» определенной области знания сам по себе становится одним из векторов новой парадигмы науки.

Развитие этой отрасли психологии связано с общими успехами когнитивной психологии во второй половине XX столетия. Использование успехов когнитивной психологии в социально-психологических исследованиях в первое время привели к упрекам в адрес последних в том, что вновь субъектом (в данном случае *социального*) познания вновь остается *индивид*, и новые требования и к усилению роли социального контекста, и к учету социальных изменений остаются не реализованными. Поэтому значительное место в современных построениях social cognition отводится как раз акцентам, позволяющим интерпретировать саму эту область знания именно как *вектор* новой парадигмы.

Таких акцентов несколько. Прежде всего – идея включенности *коммуникации* в познавательный процесс. Знания об обществе обязательно должны быть *разделяемы* среди участников познавательного процесса, то есть его результаты являются общими для членов определенного сообщества или группы, разделяются ими, ибо в противном случае никакие взаимодействия были бы невозможны [Fiske, Taylor, 1994]. Эта идея базируется на двух постулатах: 1) в поведении всех людей существует предсказуемый ряд сходств, основанных на представлениях об общей человеческой

природе, приобретенных в опыте; 2) существует также ряд несомненных различий в поведении отдельных индивидов или их некоторых типов. Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, то есть разделять – возможно в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством «разделяемости» значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообща, что предполагает постоянный обмен информацией.

Второй акцент связан со *спецификой социальной категоризации*. Ряд специфических черт категоризации социальных объектов (расплывчатость и нечеткость границ социальных категорий, зависимость процесса категоризации от «заинтересованности» в нем субъекта и пр.) порождает дополнительную трудность в познании социального мира рядовым человеком. Трудности эти умножаются ситуацией социальной нестабильности, которая нередко выступает результатом социальных изменений. Массовое сознание давно научилось обходиться с этими трудностями, что было отмечено в теориях когнитивного соответствия в рамках концепции «психо-логики» [Theories of cognitive consistency, 1968][9], логики «обычного» рядового человека. В современном варианте, то есть в рамках психологии социального познания, принцип модифицирован в идею *эвристик* – упрощенных правил принятия решений [Tversky, Kahneman, 1974], применяемых в обыденной жизни для высказывания суждений, для которых нет достаточной информации, то есть так же облегчающих процесс социальной категоризации. Использование эвристик – неизбежный спутник познания социальной реальности в условиях неопределенности, помогающий индивиду как-то упорядочить и по-своему «понять» окружающий мир, построить его образ. Апелляция к эвристикам – пример «быстрой категоризации», необходимой, по мнению А.Тэшфела, в ситуации радикальных социальных изменений, когда приходится принимать категориальные решения, не успевая за объективными изменениями объектов и событий [Tajfel, Fraser, 1978]. Следовательно, подлинно специфическим вектором новой парадигмы можно считать акцент на анализ социальной категоризации в соотношении ее со своеобразием того социального и культурного контекста, в котором этот процесс осуществляется.

При этом важно учесть еще одно обстоятельство: в современных исследованиях социального познания социальные детерминанты процесса социальной категоризации дополнены изучением его «эмоционального сопровождения». Проблема соотношения эмоций и когниций в познании социального мира [Андреева, 2005] стала темой специальной конференции [Affect and Cognition, 1982] и многих последующих публикаций Центральной мыслью в них проходит идея, что в конструирование образа социального мира «на равных правах» включаются и когнитивные, и эмоциональные компоненты. Можно считать, что здесь представлено существенное обогащение нового подхода не только к социальному познанию, но и вообще всей проблематики социальной психологии. Так, вся предметная область социального познания заявляет свои права на интерпретацию ее как одного из векторов новой парадигмы.

## «Поворот к языку»

Вынесенное в подзаголовок выражение ("turn to the language"), принадлежит Агостинос и Уолкеру [Augustinos, Walker, 1995] и трактуется как знаковое изменение роли языка в социальной психологии, обозначающее, несомненно, еще один вектор новой парадигмы. Хотя проблема языка достаточно традиционна для психологии вообще и для социальной психологии, в частности, и подкреплена солидной базой исследований, повышенное внимание к ней сегодня – очевидный факт. С одной стороны, это является логичным следствием из всех рассмотренных подходов, то есть связано органично и с идеей конструирования мира, и с проблемой радикальных изменений социума, и с более конкретными разработками психологии социального познания. С другой стороны, проблема имеет и свое собственное содержание, и – если угодно – свою собственную историю, в том числе специфику в сегодняшних условиях. В целом же введенное крылатое выражение демонстрирует одно из направлений движения психологии от стандартов экспериментальной, в значительной мере ориентированной на естественно-научное знание дисциплины, к гуманитарному полюсу.

Исторически роль языка в социальной психологии, как известно, исследовалась в связи с изучением коммуникативных процессов [10]. По мнению ряда исследователей, уже в рамках этой проблемы были обнаружены расхождения в американском и европейском подходах. Так, в обзоре Крөгера и Вуда (1992) говорится: «Наша цель показать, что язык как предмет изучения исчез из социальной психологии в период преобладания в ней бихевиоризма, и поэтому описание социальной психологии как лишенной языка – не карикатура, а релевантное описание этой науки» [Московичи, 2007, с. 491]. Сказанное не означает, что язык *буквально* исчез из исследований коммуникации. Скорее дело в том, что в коммуникативном процессе, как правило, анализировались формы подачи информации, структуры коммуникативного акта, но не обращалось внимание на социальную природу участников коммуникации, а поэтому диалог не был исследован как социальное пространство, в котором совершается обмен информацией. Видный исследователь проблемы языка в европейской социальной психологии И.Маркова отмечает, что недостаток такого подхода состоит как раз в неучете того, что «диалогическая коммуникация является фундаментальной характеристикой людей как социальных существ» [Markova, 2003, p. 116].

В противовес «формализованному» анализу роли языка в коммуникативном процессе, свойственного бихевиористскому подходу, в европейской традиции с самого начала подчеркивалась интересующая природа коммуникативного акта и значение языка *в контексте*. В специальном исследовании Г.Джайлса «Язык в социальной психологии» [Giles, 1982] проблема «язык в контексте» фигурирует в качестве одной из основных. Настаивая на тезисе, что язык не существует в вакууме, он всегда концептуализирован, Джайлс называет целый ряд компонентов, которые «детерминируют» или «влияют на формы функционирования языка» (временные и пространственные условия, в которых разворачивается диалог, установки коммуникатора, тип ситуации, определенные ожидания партнеров). В более широком плане можно сказать, что контекст задается совокупностью факторов, как личностных (мотивация, интенция партнеров по коммуникации), так и социальных (конкретная ситуация, поле межличностных и – что особенно важно – социальных отношений). Это позволяет сделать вывод: «... язык не просто доставляет информацию. Партнеры используют язык, чтобы отнестись друг к другу и к своим отношениям. Они используют язык также, чтобы отнестись к другим людям...» [Giles, 1982, p. 75].

Наиболее развернутая концепция диалога в свое время была представлена М.М.Бахтиным, положившим идею диалога в основание всех своих работ в этой области: «Диалогизм – эпистемология человеческого познания и коммуникации и – более широко – часть социальных наук, которые исследуют символическое мышление, выраженное в языке»; «Индивид «живет в мире слов Другого, а изучая слова Другого, он изучает и мир Другого» [Бахтин, 1979, с. 143]. Именно в этой непсихологической работе сконцентрирована суть *социально-психологического* подхода к анализу коммуникативного процесса, как он представлен сегодня в европейской традиции и в поисках новой парадигмы [11]. Многие исследователи развивают дальше эту идею. Так, И.Маркова предлагает усложнить формулу диалога, характеризуемого как «Я - Другой» и обозначить ее как «Я – Другой – Объект», то есть ввести в формулу *триаду* [Markova, 2006, p. 127]. Другие авторы вслед за Бахтиным употребляют термины «*третья партия*», «*третья личность*», «*виртуальные другие*», «*другие другие*», подчеркивая сложную природу коммуникативного процесса, когда Я и Другой не обязательно физически, но хотя бы символически *соприсутствуют* с кем-то и чем-то третьим, также *говорящим* с определенной позиции [Бахтин, 1979, с. 133].

Такая трактовка коммуникативного акта делает очевидным наличие «поворота к языку» в новой парадигме социальной психологии [12]. Язык предстает здесь не просто как средство коммуникации, а как и важнейшее средство социального познания, и элемент конструирования социального мира с особым акцентом на изменения, в нем происходящие. Развитие такого понимания языка характерно и для социального конструкционизма Гергена, и для теории социальных представлений С.Московичи, и для дискурс-анализа Р.Харре [Андреева, Богомолова, Петровская, 2002]. В разных формах во всех этих концепциях присутствует мысль о том, что языку отводится особая роль участника в процессе конструирования мира, в определенном смысле – его «творца». Специфически эти поиски отражены в привлекающем все большее внимание *нарративном подходе* [Crossley, 2000], где разработана специальная методика исследования личности – анализа ее «рассказывания» о себе [Шихирев, 1999; Кутузова, 2005], что дает более полное представление о личности, чем полученное при помощи

личностных тестов: варианты таких «рассказываний» в разных социальных ситуациях соответствуют построению образа личности как элемента социального мира.

## Личность в лабиринтах глобализации

Последнее обстоятельство позволяет связать изложение перечисленных «векторов» новой парадигмы еще с одним чрезвычайно важным соображением, а именно, с целым комплексом новых подходов к исследованию личности. Если новая парадигма в социальной психологии исходит в том числе из новой социальной ситуации, сложившейся в обществе на рубеже XX-го – XXI-го столетий, то логично проследить влияние этого фактора на интерпретацию проблемы «личность в измененном мире», что требует ответов на такие вопросы: какие именно аспекты социальных изменений формируют образ социального мира, какова природа взаимодействия социальных, мотивационных и когнитивных процессов, какие факторы определяют поиск стратегии социального поведения личности в условиях социальной нестабильности, как возможного результата социальных трансформаций. Можно выделить при этом несколько разных сечений.

В качестве самого общего – *неопределенность* ситуации, в которой личности приходится действовать. Несмотря на отсутствие единой дефиниции понятия», существует более или менее согласованное представление о включении в «неопределенность» таких характеристик как новизна, сложность и противоречивость ситуации. Последние же задаются объективным «ходом» социальных изменений: и их темпом, и их разнонаправленностью, и процессами глобализации во всех ее проявлениях (экономики, политических решений, культуры), возникновением в качестве результата социальной нестабильности. «Фактически существование личности в условиях социальных изменений можно приравнять к ее функционированию в ситуации неопределенности, когда основной задачей становится установление смысла и значения данной ситуации для себя лично с минимальной опорой на социальные предопределенности и с актуализацией всего личностного ресурса» [Белинская, 2002, с. 50].

Для социальной психологии, конечно, важнее всего *восприятие* отдельным индивидом, массовым сознанием ситуации неопределенности, поскольку именно от этого зависит выработка стратегии поведения. «Статус» личности в ситуации неопределенности диктует много различных проявлений. Одно из них, значимое для конструирования образа социального мира – связь проблем *неопределенности* общественной организации и *социальной идентичности* личности.

Неопределенность проявляется прежде всего в том, что нарождаются новые социальные группы, природа которых пока не известна, обозначаются новые темпы и модели изменения времени, наконец, возникают особые среды обитания (новые типы поселений, формы транспортных связей между ними). Принятие решений в таких условиях – сложная задача для рядового человека, важная для его практического существования. Решение во многом зависит от того, как будет сформирована его социальная идентичность. Не случайно при обсуждении этой проблемы в научном дискурсе нередко употребляется перенесенный из медицины термин *травма*. По мнению П.Штомпки, *социальная травма* – это в первую очередь культурная травма, поскольку для рядового человека рушатся основания символов, смыслов и значений социальной реальности, обесцениваются накопленные предшествующим жизненным опытом правила социальных действий [Штомпка, 1996]. Ситуация становится сходной с той, которая описана в современной этнопсихологии как *культурный шок*. Приводимое Т.Г.Стефаненко определение культурного шока, введенного К.Обергом, включает не только ощущение потери друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, но и путаницу в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности [Стефаненко, 2006].

Естественно при этом перед личностью встает вопрос о выборе группы принадлежности, которая будет иметь для нее решающее значение. Ситуация осложняется еще и тем, что решать эти вопросы приходится в условиях неопределенности, порождаемой, в частности, процессом *глобализации*. При этом проявляют себя как минимум два направления формирования идентичности. С одной стороны, согласование систем ценностей, осваиваемых каждым индивидом, представляющим *разные культуры*, что условно может быть названо «горизонтальное» направление формирования идентичности. С другой стороны, расширение представлений о своеобразной «иерархии»

идентичностей – отнесение личностью себя не только к традиционным социальным группам, освоенным временными рамками, привычными средами обитания, но и к глобальному обществу. Это может быть названо «вертикальным» направлением формирования идентичности [Андреева, 2008]. В этом, втором случае степень неопределенности для принятия решения еще выше, что связано с такой стороной глобализации как соотношение глобальных и локальных процессов и стоящих за ними социальных групп: бюрократических элит, в большей степени приверженных глобальному рынку, международным организациям, и локальных элит, ориентированных на развитие национальной экономики [13]. Разные направления формирования социальной идентичности личности способствуют не только усложнению осмысления своего положения в обществе, но и общему ухудшению *социального самочувствия*, что естественно подкрепляется и объективными трудностями материального существования. Личность воистину оказывается в «лабиринте» новых реалий, и конструирование ею как своего собственного образа, так и образа социального мира в целом – также предмет анализа в новой парадигме социальной психологии и один из ее векторов.

## Литература

*Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

*Андреева Г.М.* Личность в поисках идентичности в глобальном мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПб ГУП, 2008.

*Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2002.

*Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

*Белинская Е.П.* Человек в изменяющемся мире. М.: Прометей, 2005.

*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Аспект Пресс, 1995.

*Герген К.* Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: хрестоматия. М.: Инион, 1995.

*Грауманн К.* Историческое введение в социальную психологию // Введение в социальную психологию. Европейский подход: пер. с англ. / под ред. М.Хьюстона, В.Штребе. М.: Юнити, 2004.

*Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации Российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2005.

*Кутузова Д.А.* Нарративная работа с парами... и много чего еще // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. N 1(2).

*Мельникова О.Т.* Фокус-группы: методология, методы, модели. М.: Аспект Пресс, 2007.

*Московичи С.* Социальная психология: пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.

*Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В.А.Ядова. М.: Флинта, 2005.

*Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2006.

*Триандис Г.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.

*Фидлер К., Блесс Г.* Социальное познание // Введение в социальную психологию. Европейский подход: пер. с англ. / под ред. М.Хьюстона, В.Штребе. М.: Юнити, 2004.

*Шихурев П.Н.* Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999.

*Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

*Якимова Е.В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: Иннион, 1995.

*Affect and cognition.* The Seventeenth Annual Carnegie Symposium on Cognition. New York, 1982.

*Asch S.* Perspective on social psychology // Koch S. (Ed.). Psychology: a study of a science. New York, 1959.

*Augoustinos M., Walker J.* Social cognition. An integral introduction. London, 1995.

*Crossey M.* Introducing narrative psychology. Buckingham: Open University Press, 2000.

*Fiske S, Taylor Sh.* Social cognition. 2nd ed. New York, 1994.

*Giles H.* Language and social psychology. Bradacedvard Arnold, 1982.

*Gergen K.* Realities and relationships: Sounding in social construction. Cambridge; London, 1994.

*Markova I.* Dialogicality and social representation. The dynamics of mind. Cambridge, 2003.

*McGuire W.* Social psychology // Dodwell E. (Ed.). New horizons in psychology. London, 1972.

*Tajfel H., Fraser K.* Introducing social psychology. London, 1978.

*The Context of Social Psychology.* A critical assessment / ed. by H.Tajfel, J.Israel. New York; London, 1972.

*Tversky A., Kahneman D.* Judgement under uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974. Vol. 25.

---

[1] Сейчас: «Европейская Ассоциация Социальной Психологии» (переименование произошло в 2008 году на очередной конференции ЕАЭСП).

[2] См., в частности, статьи А.Тэшфела и С.Московичи, помещенные в указанном издании.

[3] В общепсихологической и философской литературе в России сложилась традиция обозначать этот новый вектор термином «постнеклассическая психология». Не полемизируя с содержанием, стоящим за этим термином, я предпочитаю избегать его, поскольку в социально-психологической литературе адекватное содержание раскрывается либо при помощи понятия «постмодернизм», либо еще конкретнее в термине «социальный конструкционизм».

[4] Так в условиях радикальной трансформации Российского общества массовое сознание столкнулось с целым рядом проблем, значимых для отдельных социальных групп (в частности, старшего поколения), когда нестабильность ситуации привела порою к драматическим переживаниям, не пониманию изменений, не умению совладать с ними. Для групп, сформировавшихся до начала реформ, они выглядели чем-то «нарушающим» естественный ход событий, пугающим своей необычностью и непредсказуемостью. Для более молодых групп более значимой проблемой оказалась проблема соотношения наличной ситуации и прошлого, а также – будущего. То есть во всех случаях социальные изменения стали предметом не только научного анализа, но и массового сознания [Андреева, 2005; Ядов, 2005; Емельянова, 2006].

[5] Высказанная здесь мысль весьма близка к положению Ю.Хабермаса о том, что современный мир с его высокими технологическими знаниями приводит к отделению парадигмы «система» от парадигмы «жизненный мир», где «жизненный мир» это мир обычных людей, которые формируют

свое обыденное знание о социальной действительности, а «система» это власть, «атакующая» это знание.

[6] См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2008.

[7] Именно поэтому, на мой взгляд, более уместен термин «*психология* социального познания». См. подробнее: Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

[8] Впрочем очевидна близость такого подхода и к подходу социологов П.Бергера и Т. Лукмана, где «социальный мир» рассматривается как «повседневная реальность», а ее познание как познание «рядовыми членами общества» См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Аспект Пресс, 1995.

[9] См. подробнее: [Андреева, Богомолова, Петровская, 2002].

[10] Вопрос о специфике подхода в отечественной традиции связан со спецификой термина «общение», строго говоря не имеющего аналога в английском языке. В контексте этой традиции общение понимается большинством исследователей как единство трех процессов: коммуникации, интеракции и социальной перцепции [Андреева, 2008]. Язык, речь исследуется именно прежде всего в рамках коммуникации, что совпадает со «статусом» этой проблемы и в западной социальной психологии.

[11] Любопытно, что идеи Бахтина широко используются в отечественной психологической литературе и, вместе с тем, в работах европейских авторов они – тоже активно представленные – никоим образом не соотносятся с традицией Российской социальной психологии.

[12] Учету макросоциальных и культурных факторов при исследовании языка уделяется большое внимание и в культурологии. См., например, работы Д.С.Лихачева, где вводится идея концептосферы, где, кроме слов, фигурируют *концепты* – «алгебраические выражения значения, которые ... являются результатом столкновения словарного значения слов с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 2006, с. 318–319].

[13] В социологической литературе получил распространение термин «глобокализм», обозначающий как раз меру соотношения этих ориентаций [Покровский, 2005].

Дата публикации: 22 февраля 2009 г.

### [Сведения об авторе](#)

*Андреева Галина Михайловна.* Доктор философских наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 5, 125009 Москва, Россия.

E-mail: [editor@psystudy.ru](mailto:editor@psystudy.ru)

### [Ссылка для цитирования](#)

Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)